

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ С ПИРОЖНЫМИ

Блистательный Флоризель, принц Богемский, во время своего пребывания в Лондоне успел снискать всеобщую любовь благодаря своим обворожительным манерам и щедрой руке, всегда готовой наградить достойного. Это был человек замечательный, даже если судить на основании того небольшого, что было известно всем; известна же была только ничтожная часть его подвигов. Спокойный до флегматичности, принимающий мир таким, каков он есть, с философским смирением простого землепашца, принц Богемский тем не менее питал склонность к жизни более эксцентрической и насыщенной приключениями, нежели та, к которой он был предназначен волею судеб. Порою на него находили приступы хандры, и если в это время на лондонских подмостках не было ни одного спектакля,

на котором можно было как следует посмеяться, а сезон к тому же был не охотничий (в этом виде спорта принц не знал себе равных), он призывал к себе своего шталмейстера*, полковника Джеральдина, и объявлял, что намерен совершить с ним прогулку по вечернему Лондону. Молодой офицер этот был постоянным наперсником принца, и отвага его подчас граничила с безрассудством. Он с неизменным восторгом встречал подобные приказы своего господина и не мешкая совершал все нужные приготовления. Богатый опыт и разностороннее знание жизни развили в нем необычайную способность к маскарату; к любой избранной им роли, независимо от положения, характера и национальности лица, которое он брался изображать, он умел приспособить не только лицо и манеры, но и голос и даже образ мышления. Благодаря этому своему дару ему удавалось отвлекать внимание от принца и вместе со своим господином спускаться во все слои общества. Власти, разумеется, в эти приключения не посвящались. Непокколебимая храбрость принца вместе с изобретательностью и рыцарской преданностью его наперсника не раз вызволяла эту пару из самых опасных положений, и доверие, которое они питали друг к другу, с каждым годом все возрастало.

Однажды вечером холодный мартовский дождь пополам со снегом загнал их в кабачок неподалеку от Лестер-сквера. Полковник Джеральдин был одет и загримирован под рыцаря прессы в несколько стесненных обстоятельствах; грим Флоризеля, как всегда,

* *Шталмейстер* — главный конюший. Здесь и далее, за исключением переводов, прим. ред.

заклучался в накладных бакенбардах да паре косматых бровей, которые изменяли его изысканный облик до неузнаваемости, придавая ему вид человека, испытавшего превратности судьбы. Под прикрытием этого маскарада принц со своим шталмейстером спокойно сидели в устричном заведении и потягивали бренди с содовой.

Зал был переполнен посетителями обоих полов, и, хотя среди них оказалось немало охотников вступить в беседу с нашими искателями приключений, ни один не представлял особого интереса. Здесь были собраны ординарнейшие обитатели лондонского дна. Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира с треском распахнулись, впустив молодого человека в сопровождении двух слуг. В руках у каждого слуги было по большому подносу, покрытому салфеткой, которую они тотчас сдернули. На подносах лежали маленькие круглые пирожные с кремом, и молодой человек принялся обходить столики, с преувеличенной любезностью предлагая каждому посетителю полакомиться. Одни со смехом принимали его угощение, другие решительно, а подчас и грубо от него отказывались. В последнем случае молодой человек неизменно съедал пирожное сам, отпуская при этом какую-нибудь шутливую реплику.

Наконец он подошел к принцу Флоризелю.

— Сударь, — произнес он тоном глубочайшего почтения и протянул ему пирожное, — не окажете ли вы любезность человеку, не имеющему чести быть с вами знакомым? За качество пирожного могу поручиться, ибо за последние два-три часа я сам проглотил ровно двадцать семь штук.

— Качество угощения, которым меня потчуют, — отвечал принц, — представляется мне не столь важным, сколько чувство, с каким мне это угощение предлагают.

— Чувство, сударь, — сказал молодой человек, отвесив еще один поклон, — с вашего позволения, самое издевательское.

— Издевательское? — повторил Флоризель. — Над кем же вы намерены издеваться?

— Видите ли, — сказал молодой человек, — я пришел сюда не для того, чтобы развивать свои философские воззрения, а лишь затем, чтобы раздать эти пирожные с кремом. Если я сообщу вам, что я самым искренним образом включаю в число тех, над которыми издеваюсь, собственную персону, ваша щепетильность, я надеюсь, будет удовлетворена и вы снизойдете к моему угощению. В противном случае я буду вынужден съесть двадцать восьмое пирожное, а мне эти гастрономические упражнения, признаться, немало надоели.

— Мне вас жаль, — сказал принц, — и я готов сделать все, что в моих силах, чтобы вас вызволить, но только при одном условии. Если я и мой приятель отведаем ваших пирожных — а надо сказать, что ни у меня, ни у него они не вызывают большого аппетита, — то и вы должны будете за это с нами отужинать.

Молодой человек как будто что-то обдумывал.

— У меня на руках осталось еще несколько дюжин, — сказал он наконец. — А следовательно, мне придется навеститься еще в несколько подобных заведений, прежде чем я разделаюсь со своим основным делом. Боюсь, что это займет некоторое время, и если вы голодны...

Принц остановил его речь любезным мановением руки.

— Мы будем вас сопровождать, — сказал он. — Нас очень заинтересовал избранный вами чрезвычайно приятный способ проводить вечера. Теперь, когда мы договорились о предварительных условиях мира, позвольте мне скрепить наш договор.

И принц любезно взял протянутое ему пирожное.

— Превосходное угощение, — сказал он.

— Я вижу, вы большой знаток, — заметил молодой человек.

Следуя примеру своего патрона, полковник Джеральдин тоже отдал должное пирожному. Молодой человек обошел все столы и, получив от каждого посетителя отказ или благодарность, повел своих спутников в другой трактир. Двое слуг, которые, казалось, вполне смирились со своим нелепым занятием, следовали за молодым человеком, между тем как принц с полковником, взявшись под руку и улыбаясь, замыкали шествие. В таком порядке вся компания посетила еще два кабачка, и в каждом повторилась та же сцена — одни принимали угощение бродячего хлебосола, другие отказывались, и тогда молодой человек неизменно проглатывал пирожное сам.

После третьего заведения молодой человек пересчитал оставшиеся пирожные: на одном подносе их оказалось шесть, на другом три — итого девять штук.

— Господа, — сказал он, обращаясь к своим новым знакомцам, — мне неприятно, что я задерживаю ваш ужин. Я уверен, что вы проголодались не на шутку, и к тому же у меня есть по отношению к вам известные обязательства. В этот многозначительный для

меня день, когда мне предстоит завершить мой дурацкий жизненный путь последним и наиболее ярким дурачеством, я не хотел бы оказаться невежей перед теми, кто меня так благородно поддержал. Господа, я не заставляю вас больше ждать. И пусть здоровье мое и без того расшатано излишествами, я готов, рискуя жизнью, отказаться от условия, которое сам себе поставил.

И, окончив свою речь, молодой человек проглотил одно за другим оставшиеся девять пирожных. Затем, отвесив по поклону обоим слугам и протянув им по золотому, он сказал им:

— Примите, пожалуйста, мою благодарность за ваше долготерпение.

Отпустив слуг, он с полминуты постоял, уставясь на кошелек, из которого только что извлек для них плату, и вдруг засмеялся, бросил его на мостовую и сообщил своим спутникам, что готов идти с ними ужинать.

В маленьком французском ресторанчике в Сохо, пользовавшемся незаслуженно громкой славой, которая, впрочем, уже начала идти на убыль, принц, его шталмейстер и их новый знакомый попросили себе отдельный кабинет на третьем этаже, уселись за изящно сервированный стол, заказали к ужину четыре бутылки шампанского и принялись непринужденно беседовать между собой. Молодой человек был весел и оживлен, однако смеялся несколько громче, чем можно было ожидать от человека его воспитания; к тому же руки его заметно дрожали, в голосе появлялись неожиданные резкие переходы, как у человека, который не совсем владеет собой. Когда официант унес со стола последнее блюдо и все трое закурили сигары, принц обратился к своему новому знакомцу со следующей речью:

— Я надеюсь, что вы простите мне мое любопытство. Хотя мы и знакомы всего лишь несколько часов, вы мне очень симпатичны и, признаться, чрезвычайно меня интригуете. Я бы не хотел показаться нескромным, но я должен вам сказать, что мы с приятелем в высшей степени достойны доверия. У нас великое множество своих тайн, которые мы постоянно доверяем тем, кому не следует. А если, как я полагаю, ваша история достаточно нелепа, то и в этом случае, уверяю вас, вы можете, не стесняясь, изложить ее нам, ибо более нелепых людей, чем мы, вы не сыщете во всей Англии. Меня зовут Годол, Теофилус Годол; имя моего друга — майор Альфред Хаммерсмит, во всяком случае, ему угодно выступать под этим именем. Всю свою жизнь мы посвятили поискам экстравагантных приключений; и нет такой экстравагантной выходки, которой бы мы не могли посочувствовать всей душой.

— Вы мне нравитесь, мистер Годол, — ответил молодой человек, — к тому же вы во мне вызываете инстинктивное доверие; и я не имею ничего против вашего друга, майора, который представляется мне переодетым вельможей. И уж, во всяком случае, я убежден, что к армии он не имеет ни малейшего касательства.

Полковник только усмехнулся, услышав такой комплимент своему искусству перевоплощения.

— Существует множество причин, по которым мне не должно бы вам открыться, — продолжал между тем молодой человек, постепенно воодушевляясь. — Быть может, поэтому-то я и намерен рассказать вам все без утайки. Во всяком случае, я вижу, что вы настроились услышать нечто нелепое, и у меня не хватает духа вас разочаровать. Свое имя, в отличие от вас,

я не назову. Возраст мой не имеет прямого отношения к моему рассказу. Я прямой наследник своих предков, и наследство мое заключается в весьма сносном жилище, которое я занимаю по сей день, и капитале, дававшем триста фунтов годового дохода. Вместе с домом и этим капиталом я, должно быть, унаследовал от предков и легкомыслие, не противиться которому составляло высшее наслаждение всей моей жизни. Я получил хорошее образование. Я изрядный музыкант — еще немного, и мог бы играть на скрипке в каком-нибудь захудалом оркестре, однако как раз этого немногого мне и недостает. То же относится к моей игре на флейте и на валторне. Выучился играть в вист и в этой премудрости преуспел настолько, что с легкостью могу проигрывать до ста фунтов в год. Знакомство мое с французским языком оказалось достаточным, чтобы мотать деньги в Париже почти с той же легкостью, что и в Лондоне. Как видите, я человек всесторонне образованный. Жизнь не обошла меня и приключениями всевозможного рода, я даже дрался на дуэли, для которой не было ни малейшего повода. А два месяца назад я повстречал молодую особу, которая показалась мне олицетворением всех совершенств, как духовных, так и физических. Сердце мое растопилось. Я наконец встретил свою судьбу и чуть было не влюбился. Но когда я принялся подсчитывать, что осталось мне от всех моих капиталов, оказалось, что у меня нет и полных четырехсот фунтов! И вот я вас спрашиваю: может ли уважающий себя человек позволить себе влюбиться, имея за душой всего четыреста фунтов? Естественно, я должен был ответить на этот вопрос:

нет, не может. Засим, расставшись с очаровательницей и несколько ускорив темп проматывания своих капиталов, к сегодняшнему утру я остался с суммой в восемьдесят фунтов в кармане. Разделив эти деньги на две равные части и отложив на одно дело сорок фунтов, остальные сорок я решил во что бы то ни стало промотать до наступления ночи. Я премило провел день, разыграл не одну комедию, подобную этой, с пирожными, благодаря которой я имел честь познакомиться с вами. Дело в том, что я, как я вам уже докладывал, задумал привести свои дурацкие похождения к еще более дурацкому концу. Когда я выбросил у вас на глазах свой кошелек на середину мостовой, те сорок фунтов у меня уже кончились. Итак, вы теперь не хуже меня самого знаете, что я представляю собой: безумец, но последовательный в своем безумии и, как вы, надеюсь, подтвердите, не нытик и не трус.

По всему тону речей молодого человека можно было заключить, что он не питает относительно себя никаких иллюзий и, напротив, горько в себе разочарован. Его собеседники догадывались, что сердечная история, которую он им поведал, затрагивала его больше, нежели он хотел показать, и что они имеют дело с человеком, задумавшим покончить все счета с жизнью. Комедия с пирожными обещала обернуться трагедией.

— Какое, однако, совпадение, — воскликнул Джеральдин, сделав глазами знак принцу Флоризелю, — что в этой пустыне, именуемой Лондоном, мы трое совершенно случайно повстречали друг друга! И что к тому же мы все находимся, можно сказать, в одинаковом положении!

— Что вы говорите? — воскликнул молодой человек. — Неужели вы тоже дошли до полного разорения? И этот ваш изысканный ужин — такое же безумие, как мои пирожные с кремом? Неужели сам сатана свел нас вместе для последней пирушки?

— Как видите, сатана подчас бывает весьма любезным джентльменом, — сказал принц Флоризель. — Что касается меня, я так поражен этим совпадением, что, хоть сейчас мы с вами и не совсем в равных обстоятельствах, я намерен положить этому неравенству конец. Пусть ваш героический поступок с пирожными послужит мне примером.

С этими словами принц вынул бумажник и извлек из него небольшую пачку банкнот.

— Видите ли, я отстал недели на две, но хочу вас догнать с тем, чтобы прибыть к цели вместе с вами, ноздря в ноздю, — продолжал он. — Этого, — сказал он, положив несколько бумажек на стол, — довольно, чтобы оплатить счет за ужин. Что касается остального...

Принц швырнул остаток в пылающий камин, вся пачка вспыхнула и пламенем взвилась в трубу.

Молодой человек попытался было удержать его руку, но не успел дотянуться до него через стол.

— Несчастный! — воскликнул он. — Зачем вы сожгли все ваши деньги? Надо было оставить сорок фунтов.

— Сорок фунтов? — переспросил принц. — Но отчего именно сорок, скажите на милость?

— И почему бы не все восемьдесят в таком случае? — подхватил полковник. — Ибо, насколько мне известно, в пачке находилось ровно сто фунтов.

— Больше сорока фунтов ему не понадобилось бы, — мрачно произнес молодой человек. — Но без них путь ему прегражден. Правила наши суровы и не допускают исключений. Сорок фунтов с души. Что за проклятая жизнь, когда человеку без денег и умереть нельзя!

Принц и полковник обменялись взглядами.

— Объяснитесь, — сказал последний. — Мой бу-
мажник при мне и, кажется, не совсем пуст. Незачем говорить, что я готов поделиться всем, что у меня есть, с Годолом. Но я должен знать, для чего. Вы обязаны нам точно все разъяснить.

Молодой человек словно внезапно очнулся от сна. Он перевел взгляд с одного из собеседников на другого, и краска залила его лицо.

— А вы не смеетесь надо мной? — спросил он. — Вы в самом деле разорены дотла?

— Что касается меня — вне всякого сомнения, — сказал полковник.

— А что касается меня, — сказал принц, — я, по-
моему, вам это доказал. Ибо кто, кроме совершенно-
го банкрота, станет швырять деньги в огонь? Мои дей-
ствия говорят за себя.

— Банкрот? — задумчиво протянул молодой чело-
век. — Пожалуй. Или миллионер.

— Довольно, сударь, — сказал принц. — Я не при-
вык к тому, чтобы мое слово подвергалось сомнению.

— Итак, вы разорены? — повторил молодой чело-
век. — Разорены, как и я? Привыкнув не отказывать
себе ни в чем, удовлетворять малейшую свою прихоть,
вы наконец дошли до той точки, когда у вас остается
возможность выполнить только одно, последнее, жела-
ние? И вы, — по мере того, как он говорил, его голос

становился все глуше, — и вы готовы позволить себе эту последнюю роскошь? Вы намерены с помощью единственного, безотказного и самого легкого способа избежать последствий собственного безрассудства? Вы хотите улизнуть от жандармов собственной совести через единственную дверь, оставшуюся открытой?

Молодой человек неожиданно оборвал свою речь и через силу засмеялся.

— Ваше здоровье! — вскричал он, осушая бокал шампанского. — И покойной вам ночи, господа веселые банкроты!

Он поднялся было со стула, но полковник Джеральдин удержал его за руку.

— Вы нам не доверяете, — сказал он. — Напрасно. На каждый из ваших вопросов я готов ответить утвердительно. Впрочем, я человек не робкого десятка и намерен называть вещи своими именами. Да, мы тоже, подобно вам, пресытились жизнью и твердо решили с ней расквитаться. Раньше или позже, вдвоем или порознь, мы решили схватить смерть за косу. Но поскольку мы повстречались с вами и ваше дело не допускает отлагательства, пусть это случится нынче же ночью — тотчас же — и, если вы согласны, давайте пойдем ей навстречу втроем. Такие бедняки, как мы, — воскликнул он, — должны войти рука об руку в царство Плутона, поддерживая один другого среди теней, его населяющих!

Джеральдин точно попал в тон взятой на себя роли. Принц даже был несколько обескуражен и метнул в своего наперсника тревожный взгляд. Между тем краска вновь залила лицо молодого человека, и глаза его засверкали.

— Нет, нет, я вижу, вы для меня идеальные товарищи! — вскричал он с каким-то отчаянным весельем. — Итак, по рукам! — И протянул холодную, влажную руку. — Вы и понятия не имеете, в каком обществе вам предстоит выступить в поход! И в какую счастливую для себя минуту вы согласились отведать моих пирожных с кремом! Я всего лишь рядовой боец, но рядовой боец великой армии. Я знаю потайную калитку в царство Смерти. Я с нею на коротке и могу препроводить вас в вечность без всяких церемоний. При этом уход ваш не вызовет никаких кривотолков.

Оба собеседника принялись горячо уговаривать его покончить наконец с иносказаниями.

— Можете ли вы вдвоем наскрести восемьдесят фунтов? — спросил он.

Джеральдин для вида пересчитал наличность в своем бумажнике и ответил утвердительно.

— Да вы баловни судьбы! — воскликнул молодой человек. — Сорок фунтов с каждого — вступительный взнос в Клуб самоубийц.

— Клуб самоубийц? — повторил принц. — Это что еще за штука?

— Сейчас расскажу, — сказал молодой человек. — Мы с вами живем в век комфорта, и я должен поведать вам о последнем усовершенствовании в этой области. Так как у нас дела во всех уголках планеты, человечеству пришлось придумать железные дороги. Железные дороги успешнейшим образом разъединили нас с друзьями, поэтому пришлось изобрести телеграф — чтобы и на больших расстояниях люди могли общаться друг с другом. В отелях, например, завели лифты,

чтобы людям не приходилось карабкаться какие-нибудь сто ступеней по лестнице. Жизнь, как вы знаете, — всего-навсего подмости, на которых каждому предоставляется возможность кривляться, покуда не наскучит. В системе современного комфорта не доставало лишь одного усовершенствования: пристойного и удобного способа сойти с этих подмостков, так сказать, черного хода на свободу или, как я уже говорил, потайной калитки в царство Смерти. Этот-то ход, дорогие мои бунтари-единомышленники, эту калитку и открывает нам Клуб самоубийц. Не думайте, что мы с вами одиноки или даже исключительны в этом своем в высшей степени разумном желании. Таких, как вы, людей, которым до смерти надоело участвовать изо дня в день в спектакле, именуемом жизнью, великое множество, и они не уходят со сцены лишь из-за тех или иных соображений. Того удерживает мысль о близких, которых слишком ошеломил бы подобный конец, а в случае огласки, быть может, и навлек бы на них нарекания; другой слишком слаб духом, чтобы собственноручно лишиться себя жизни. До некоторой степени к этому второму разряду принадлежу и я; я, например, решительно неспособен приложить к виску пистолет и нажать на курок: нечто, сильнее меня самого, мешает мне произвести этот последний жест, и, хоть жизнь мне опротивела совершенно, у меня нет сил пойти навстречу смерти самому. Вот для таких-то субъектов, а также для всех, кто мечтает вырваться из плена жизни, избежав при этом посмертного скандала, и основан Клуб самоубийц. Как он был организован, какова его история и имеются ли у него филиалы в других странах — всего этого я не знаю; то же,

что мне известно относительно его устава, я не вправе вам открыть. Но вот в какой мере я берусь вам способствовать: раз вы в самом деле пресытились жизнью, я вас этим же вечером представляю собранию членов клуба, и если и не нынешней ночью, то по крайней мере на этой неделе вы будете с наименьшими для себя неудобствами избавлены от существования в этом мире. (Молодой человек взглянул на часы.) Сейчас одиннадцать. Через полчаса мы должны отсюда выйти. Итак, у вас тридцать минут, чтобы обдумать мое предложение. Это дело несколько более серьезное, я полагаю, нежели пирожные с кремом, — заключил он с улыбкой, — и, как мне кажется, более заманчивое.

— Что оно более серьезное, — сказал полковник Джеральдин, — это так. Поэтому я позволю себе попросить пять минут для обсуждения его наедине с моим другом мистером Годолом.

— Это — ваше право, — сказал молодой человек, — и я с вашего разрешения вас на время покину.

— Вы очень любезны, — сказал полковник.

— Для чего вам понадобилось это совещание, Джеральдин? — спросил принц Флоризель, как только они остались вдвоем. — Вы, я вижу, несколько взволнованы, между тем как я совершенно спокойно решил довести всю эту историю до конца.

— Ваше высочество, — сказал полковник, побледнев. — Позвольте вам напомнить, что ваша жизнь не только дорога вашим близким, но и необходима для блага отечества. Вы слышали, как выразился наш безумец: «если и не нынешней ночью». А что, как именно этой ночью с особой вашего высочества приключится

какое-нибудь непоправимое несчастье? Попробуйте, молю вас, представить себе мое отчаяние, а также скорбь вашего великого народа.

— Полковник Джеральдин, я намерен довести эту историю до конца, — повторил принц голосом, не допускающим возражений. — Будьте добры помнить и уважать свое слово джентльмена. Ни при каких обстоятельствах, без особого моего на то разрешения, вы не должны открыть инкогнито, под которым мне угодно выступать. Таков был мой приказ, и я его вам сейчас напоминаю. А теперь, — прибавил он, — позвольте мне просить вас позвать официанта.

Полковник Джеральдин почтительно поклонился. Но когда в комнату вошли официант и молодой человек, угостивший их пирожными, лицо его было бледно, как полотно. Принц сохранял всю свою невозмутимость и с большим юмором и живостью принялся рассказывать молодому самоубийце последний фарс, виденный им в Пале-Рояле. Он искусно не замечал умоляющих взглядов полковника и старательнее обычного принялся выбирать сигару. Из всех троих он один и сохранял полное самообладание.

Спросив счет, принц оставил изумленному официанту всю сдачу с банкноты. Затем все трое уселись в наемную карету, которая вскоре подвезла их к воротам довольно скудно освещенного двора.

Когда они сошли на тротуар и Джеральдин расплатился с извозчиком, молодой человек обернулся к принцу Флоризелю и сказал:

— Еще не поздно, мистер Годол, если вам угодно, вы можете вернуться к своим цепям. Да и вы тоже, майор Хаммерсмит. Подумайте хорошенько, прежде

чем предпринять следующий шаг. И если сердце вам скажет: «нет», — разойдемся подобру-поздорову.

— Ведите нас, сударь, — сказал принц. — Я не из тех, кто изменяет своему слову.

— Ваше хладнокровие меня радует, — сказал молодой человек. — Мне еще не доводилось видеть никого, кто бы в этих обстоятельствах сохранял подобную невозмутимость, а скольких я приводил к порогу этого дома! Кое-кто из моих приятелей прежде меня отправился туда, куда вскоре неминуемо отправлюсь и я. Впрочем, к чему вам это знать? Обождите меня здесь несколько минут. Я приду за вами, как только договорюсь о вашем приеме в клуб.

И, помахав своим новым знакомцам рукой, молодой человек прошел в ворота и скрылся в подъезде.

— Из всех наших безрассудств, — произнес полковник Джеральдин вполголоса, — это — самое безрассудное и рискованное.

— Вполне с вами согласен, — сказал принц.

— В нашем распоряжении еще две-три минуты, — продолжал полковник. — Позвольте же мне умолять ваше высочество воспользоваться случаем и удалиться. Шаг, который вы намерены сделать, чреват самыми грозными последствиями и может оказаться роковым. Поэтому я решаюсь злоупотребить свободой обращения, которую ваше высочество позволяет мне, когда мы остаемся наедине, без посторонних.

— Должен я из всего этого вывести, что полковник Джеральдин поддался чувству страха? — спросил принц и, вынув изо рта сигару, проникновенно взглянул полковнику в глаза.

— Мой страх, во всяком случае, не имеет отношения к моей собственной персоне, — гордо ответил тот. — В этом ваше высочество может не сомневаться.

— А я и не сомневался, — благодушно произнес принц. — Просто мне не хотелось напоминать вам о разнице в нашем с вами положении. Довольно, впрочем, — прибавил он, предупреждая намерение полковника. — Не надо извинений. Вы прощены.

И в ожидании молодого человека принц спокойно продолжал курить, облокотившись о решетку.

— Ну что? — спросил он, когда тот вернулся. — Удалось договориться?

— Следуйте за мной, — был ответ. — Председатель просит вас пожаловать к нему в кабинет. Позвольте предупредить вас, чтобы вы на все его вопросы отвечали с полной откровенностью. Я за вас поручился. Но по уставу клуба перед тем, как принять нового члена, его подвергают тщательному опросу. Ибо малейшая нескромность одного из членов повела бы к полному разгрому всего клуба.

Принц и Джеральдин с минуту пошептались. «Я скажу то-то», — сказал один. «А я — то-то», — отвечал другой. Условившись, что каждый будет изображать кого-нибудь из их общих знакомых, они договорились в один миг и были готовы следовать за своим Вергилием* в кабинет председателя.

На пути им не было больше никаких преград: наружная дверь стояла распахнутой настежь, дверь в кабинет — тоже. Здесь, в маленькой комнатке с очень высоким потолком, молодой человек вновь их оставил.

* В «Божественной комедии» был проводником Данте в ад.

— Председатель сейчас придет, — сказал он и, кивнув головой, ушел.

Из соседней комнаты, сквозь двустворчатую дверь, доносились голоса, хлопанье пробок и время от времени — взрывы смеха. Из единственного очень высокого окна открывался вид на реку и набережную. По расположению фонарей новые кандидаты в клуб догадались, что где-то невдалеке должен находиться вокзал Черинг-Кросс. Обставлен кабинет был скудно, чехлы на мебели были сильно потертые и, кроме ручного колокольчика посреди круглого стола да довольно большого количества плащей и шляп на стенах, в комнате ничего не было.

— Что за притон? — подивился Джеральдин.

— Вот это-то нам и предстоит выяснить, — ответил принц. — Если они к тому же держат здесь дьяволов во плоти, дело обещает оказаться забавным.

В эту минуту дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить одного человека. Звуки голосов усилились, и в кабинете появилась фигура грозного председателя Клуба самоубийц. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим; он шагал широкой, слегка развинченной походкой: лицо его было окаймлено косматыми бакенбардами, на макушке просвечивала небольшая тонзура, а в тусклых серых глазах время от времени вспыхивали огоньки. Губы его плотно сжимали толстую сигару и находились в непрерывном движении, то круговом, то из стороны в сторону, меж тем как глаза холодно и проницательно изучали новых пришельцев. На нем был светлый костюм из ворсистого сукна и полосатая рубаша с отложным воротником. Под мышкой он держал большую конторскую книгу.

— Добрый вечер, — сказал он, притворяя за собою дверь. — Мне сообщили, что вам угодно со мной побеседовать.

— Нам хотелось бы вступить в члены Клуба самоубийц, сударь, — ответил полковник.

Председатель перегнал сигару из одного угла рта в другой.

— Какого такого клуба? — резко спросил он.

— Простите, сударь, — ответил полковник, — но мне кажется, вы лучше всякого другого могли бы ответить на этот вопрос.

— Я?! — вскричал председатель. — Клуб самоубийц? Помилуйте, господа. Сегодня ведь не первое апреля. Ну, да я понимаю, когда джентльмены позволяют себе выпить лишнее, им подчас хочется отколоть какую-нибудь штуку. Однако хорошенького понемножку.

— Называйте ваш клуб каким хотите именем, — продолжал полковник, — но у вас за этой дверью, несомненно, собралось общество, и нам хотелось бы к нему присоединиться.

— Сударь, — сухо возразил председатель, — вы ошиблись. Это частный дом, и я прошу вас покинуть егосию минуту.

Принц во все время этого диалога продолжал спокойно сидеть в своем кресле. Теперь же, когда полковник метнул в него взор, как бы говорящий: «Вот видите, идемте же отсюда, ради бога!» — он вынул изо рта сигару и заговорил.

— Я прибыл сюда, — сказал он, — по приглашению вашего знакомого. Он, разумеется, осведомил вас о желании, побудившем меня навязать вам таким образом

свое общество. Позвольте вам напомнить, что бывают обстоятельства, когда люди не склонны чувствовать себя связанными какими-либо условностями и безропотно сносить оскорбления. Я человек, как правило, мирный. Однако, милостивый государь, я должен вас предупредить: либо вы окажете мне небольшую любезность — какого характера, вы прекрасно знаете сами, — либо вам придется горько раскаться в том, что вы допустили меня на порог вашего кабинета.

Председатель громко рассмеялся.

— Вот это другой разговор, — сказал он. — Я вижу, вы настоящий мужчина. А знаете что? Вы мне приглянулись и можете делать со мной что хотите! Будьте добры, — обратился он к Джеральдину, — отойдите от нас на минутку. Кое-какие формальности, сопряженные со вступлением в наш клуб, требуют разговора с глазу на глаз, и я начну с вашего товарища.

С этими словами он открыл дверь в потайной чуланчик, предложил жестом полковнику в него войти и закрыл за ним дверцу.

— Вам я верю, — сказал он Флоризелю, — но можете ли вы поручиться за своего приятеля?

— Не скажу, чтобы я в нем был уверен, как в самом себе, — ответил Флоризель, — хотя причины, которые привели его сюда, еще более настоятельны, чем мои. Однако я достаточно в нем уверен, чтобы безбоязненно ввести его к вам. Столько щелчков от судьбы, сколько получил он, излечили бы самого жизнелюбивого человека от приверженности к жизни. А на днях ему еще предложили выйти из полка за то, что он передергивал в карты.

— Что же, это причина вполне достойная, — протянул председатель, — у нас тут один такой случай уже имеется, и я за него совершенно спокоен. А сами вы, позвольте спросить, не служили?

— Служил, — ответил принц. — Но я был ленив и вовремя покинул службу.

— Отчего же вы решили прекратить свое существование? — спросил председатель.

— Да все по той же причине, насколько я понимаю, — ответил принц. — Непреоборимая лень.

Председатель отпрянул.

— Черт побери! — воскликнул он. — Право, это не совсем уважительная причина.

— Видите ли, у меня к тому же кончились все деньги, — сказал Флоризель. — И это, конечно, тоже довольно досадное обстоятельство. Лень моя, таким образом, вступила в неразрешимый конфликт с жизнью.

Председатель, крутя во рту сигарой, устремил немигающий взор прямо в глаза этому странному кандидату в самоубийцы. Принц выдержал его взгляд со своим обычным невозмутимым благодушием.

— Если бы у меня был чуть менее богатый опыт, — произнес наконец председатель, — я бы, вероятно, указал вам на дверь. Но я знаю свет. Во всяком случае, настолько, что понимаю, как самые легкомысленные на первый взгляд поводы для самоубийства могут подчас оказаться наиболее вескими. К тому же, сэр, мне трудно в чем-либо отказать человеку, который придется мне по душе, и я скорее готов сделать для него некоторое послабление.

Затем принц и полковник, один за другим, по очереди, были подвергнуты длительному и весьма строгому

опросу. Принца председатель допросил с глазу на глаз, полковника Джеральдина — в присутствии принца, с тем чтобы по выражению лица последнего определить, правду ли отвечает допрашиваемый. По всей видимости, председателя результат удовлетворил. Занеся некоторые сведения к себе в протокольную книгу, он предложил им текст клятвы, которую каждый должен был скрепить своей подписью. Большого закабаления воли, более стеснительных условий невозможно было себе представить. Нарушить столь страшную клятву означало бы утратить последние остатки чести и лишиться всех утешений, какие дарует людям религия.

Флоризель договор подписал, хоть и не без внутреннего содрогания. Полковник уныло последовал его примеру. После этого председатель принял от них вступительный взнос и без дальнейших церемоний ввел новых членов в курительную комнату Клуба самоубийц.

Здесь был такой же высокий потолок, что и в кабинете, из которого они вышли, но сама комната была просторнее и оклеена обоями, имитирующими дубовую обшивку. Ее освещал весело потрескивающий огонь в камине и торчавшие из стен газовые рожки. Вместе с принцем и его компаньоном в курительной собралось восемнадцать человек. Почти все курили и пили шампанское, в комнате царило лихорадочное веселье, но время от времени в ней вдруг наступала зловещая тишина.

— Сегодня все в сборе? — спросил принц.

— Более или менее, — ответил председатель. — Кстати, — прибавил он, — если у вас остались еще при

себе какие-нибудь деньги, здесь принято угощать шампанским. Это поднимает дух у общества, а мне, помимо прочего, приносит небольшой доход.

— Хаммерсмит, — распорядился Флоризель, — позаботьтесь, пожалуйста, о шампанском.

С этим он повернулся и начал обход гостей. Привыкший играть роль хозяина в самых высоких сферах, он без труда пленил и покори́л всех, с кем беседовал. В его манерах была чарующая смесь властности и доброжелательства. А необычайная его невозмутимость придавала ему особое достоинство среди этой компании полуманьяков. Переходя от одного к другому, он внимательно вглядывался и вслушивался во все, что происходило кругом, и вскоре составил себе некоторое представление о людях, среди которых очутился. Как водится во всякого рода притонах, здесь преобладал определенный человеческий тип: люди в расцвете молодости, со всеми признаками острого ума и чувствительного сердца, но лишённые той энергии или того качества, без которого нельзя достичь успеха ни на одном жизненном поприще. Мало кому перевалило за тридцать, попадались даже юнцы, не достигшие двадцатилетнего возраста. Одни отчаянно курили, другие, сами того не замечая, держали во рту погасшие сигары. Некоторые говорили оживленно и с блеском, большинство же предавалось пустой болтовне, треща языком без остроумия и смысла, с единственной целью — разрядить свое нервное напряжение. Всякий раз, как открывалась новая бутылка шампанского, веселье вспыхивало с новой силой. Почти все стояли — одни, опираясь о стол, другие — переминаясь с ноги на ногу. Сидели только двое. Один из них

занимал кресло подле окна. Бледный, безмолвный, весь в испарине, он сидел опустив голову и засунув руки в карманы — полная развалина. Другой пристроился на диване подле камина. Он настолько отличался от всех остальных, что невольно обращал на себя внимание. Ему было, должно быть, немногим больше сорока, но выглядел он на добрых десять лет старше. Никогда Флоризелю не доводилось видеть человека более безобразного от природы, на котором к тому же столь пагубно отразилась болезнь, вызванная, по-видимому, неумеренным образом жизни. От него остались кожа да кости, он был наполовину парализован, и его очки были такой необычайной силы, что глаза за ними казались огромными и деформированными. Не считая принца и председателя, он был единственным из присутствующих, кто сохранял спокойствие.

Члены клуба не очень стеснялись условностями. Одни хвастали своими безобразными поступками, заставившими их искать убежища в смерти, другие слушали без порицания. Казалось, у них была негласная договоренность ни к чему не применять нравственной мерки. Таким образом, всякий, попавший в помещение клуба, уже как бы заранее пользовался привилегиями жильца могилы. Они провозглашали тосты в память друг друга, пили за прославленных самоубийц прошлого; обменивались взглядами на смерть, — на этот счет у каждого была своя теория. Одни заявляли, что в смерти нет ничего, кроме мрака и небытия, другие высказывали надежду, что, быть может, этой ночью они начнут свое восхождение к звездам и приобщатся к сонму великих теней.

— За бессмертную память барона Тренка, этого образца среди самоубийц! — провозгласил один. Из тесной каморки жизни он вступил в другую, еще более тесную, с тем чтобы выйти наконец на простор и свободу!

— Что касается меня, — сказал другой, — единственное, о чем я мечтал, — это о повязке на глаза да вате, чтобы заткнуть уши. Но увы! В этом мире не сыскать достаточно толстого слоя ваты.

Третий предполагал, что в их будущем состоянии им удастся проникнуть в тайну бытия; четвертый заявил, что ни за что не примкнул бы к клубу, если бы теория мистера Дарвина не показалась ему столь убедительной.

— Мысль, что я являюсь прямым потомком обезьяны, — сказал сей оригинальный самоубийца, — показала мне невыносимой.

В общем же принц был несколько разочарован манерами и разговором членов клуба. «Неужели все это так важно, — подумал он, — чтобы поднимать такую суету? Если человек решился уйти из жизни, какого черта он не совершает этот шаг, как подобает джентльмену? Вся эта возня и велеречие совершенно неуместны».

Между тем полковник Джеральдин предавался самым мрачным размышлениям. Клуб и устав его все еще оставались для него загадкой, и он переводил взор с одного лица на другое в надежде найти кого-нибудь, кто бы мог его успокоить. Взгляд его упал на паралитика в сильных очках; пораженный его спокойствием, он перехватил председателя, который то и дело появлялся и исчезал, и попросил познакомить его с джентльменом, сидящим на диване.

Председатель объяснил, что у них в клубе нет необходимости прибегать к таким церемониям, но тем не менее представил мистера Хаммерсмита мистеру Мальтусу.

С любопытством оглядев полковника, мистер Мальтус указал ему на место подле себя.

— Вы здесь свежий человек, — сказал он, — и желаете во всем разобраться, не так ли? Ну что ж, вы обрательсь по верному адресу. Вот уже два года, как я являюсь посетителем этого прелестного клуба.

Полковник вздохнул с облегчением. Если мистер Мальтус целых два года посещает этот притон, то навряд ли принца ожидает опасность в первый же вечер. Впрочем, Джеральдин терялся в догадках. Уж не водят ли их с принцем за нос?..

— Как? — вскричал он. — Два года? Я думал... Впрочем, должно быть, надо мною подшутили.

— Отнюдь, — спокойно ответил мистер Мальтус. — Я здесь на особом положении. Я, собственно, являюсь не самоубийцей, а всего лишь, так сказать, почетным членом этого клуба. Я посещаю его раз в месяц, а то и реже. Благодаря любезности нашего председателя и из уважения к состоянию моего здоровья я пользуюсь некоторыми льготами, за которые и вношу повышенную плату. Впрочем, мне к тому же очень везет.

— Простите, — сказал полковник, — но я просил бы вас несколько подробнее обрисовать обстановку. Как вы сами понимаете, у меня еще весьма смутное представление о порядках в этом клубе.

— Рядовой член клуба, который, подобно вам, вступает в него с намерением встретить смерть, — сказал мистер Мальтус, — является сюда каждый вечер,

покуда ему не улыбнется удача. Если он не имеет ни гроша, он даже может здесь поселиться на полном пансионе. Условия, на мой взгляд, вполне сносные — без излишней роскоши, но чисто. Впрочем, на роскошь претендовать не приходится, учитывая скудость вступительного взноса, не в обиду вам будь сказано. Прибавьте сюда общество самого председателя — а это само по себе изысканнейшее удовольствие.

— Право? — воскликнул Джеральдин. — А меня, представьте, он не слишком очаровал.

— Ах, вы не знаете этого человека, — сказал мистер Мальтус. — Занятнейшая личность! А какой рассказчик! Сколько цинизма! Он знает жизнь, как никто, и, между нами говоря, должно быть, во всем христианском мире не сыскать большего негодяя, плута и распутника, чем он.

— И он тоже, — спросил полковник, — в некотором роде величина постоянная, как и вы?

— Ах нет, он величина постоянная, но совсем в другом роде, нежели я, — ответил мистер Мальтус. — Я просто пользуюсь любезно предоставленной мне отсрочкой, но в конце концов тоже должен буду отправиться, куда и все. Он же вне игры. Он тасует и раздает карты, а затем предпринимает необходимые шаги. Этот человек, мой дорогой мистер Хаммерсмит, — воплощенная изобретательность. Вот уже три года, как он подвизается в Лондоне на своем полезном и, я бы сказал, артистическом поприще. Причем ни разу ему не довелось навлечь на себя и тени подозрения. Не сомневаюсь ни минуты, что этот человек гениален. Вы, конечно, помните нашумевший

случай отравления в аптеке полгода назад? Это был один из наименее эффектных, наименее острых плодов его фантазии. Но какая при этом простота! И какая чистая работа!

— Вы меня поражаете, — сказал полковник. — Так этот несчастный был одной из... — Полковник собирался было сказать «жертв», но вовремя поправился: — Одним из членов клуба? — И тут же полковнику пришло в голову, что мистер Мальтус не производит впечатление человека, жаждущего смерти, и он поспешно прибавил: — Но я все еще брежу, как в потемках. Вы только что упомянули карты. Объясните мне, пожалуйста, при чем здесь карты? К тому же у меня такое впечатление, что вы не только не стремитесь к смерти, но, напротив, хотели бы ее оттянуть. Что же в таком случае заставляет вас приходить сюда?

Мистер Мальтус заметно оживился.

— Вы и в самом деле ничего еще не понимаете, — сказал он. — Атмосфера этого клуба, милостивый мой государь, кружит голову лучше самого крепкого вина. Поверьте, если бы не состояние моего здоровья, я бы чаще припадал к этому источнику. Только чувство долга, поддерживаемое длительной привычкой к недомоганию и строгому режиму, удерживает меня от излишеств в этом, я могу сказать, последнем моем наслаждении. Я испытал их все, сударь, — продолжал он, коснувшись рукой плеча Джеральдина. — Все без исключения, и, честью клянусь вам, люди бессовестно лгут, говоря о радостях, которые им доставляют эти наслаждения. Они играют любовью. А я вам скажу, что любовь отнюдь не самая сильная из страстей. Страх — вот сильнейшая страсть человека. Играйте

страхом, если вы хотите испытать острейшее наслаждение в жизни. Завидуйте мне, завидуйте, сударь, — прибавил он и радостно усмехнулся. — Ведь я величайший трус на свете!

Джеральдин с трудом подавил отвращение к этому омерзительному существу. Однако он обуздал себя и продолжал свои расспросы.

— Но каким образом, сударь, — спросил он, — удастся вам столь искусно продлевать это наслаждение? И разве здесь есть какой-либо элемент случайности?

— Я расскажу вам, каким образом выбирается жертва на каждый вечер, — ответил мистер Мальтус. — И не только жертва, но и тот из членов клуба, которому надлежит выполнять роль орудия рока и верховного жреца смерти.

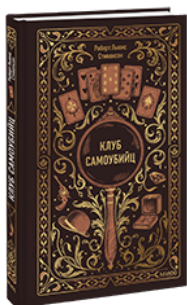
— Боже милостивый! — воскликнул полковник. — Следовательно, сами члены клуба убивают друг друга?

Мальтус кивнул головой.

— Именно таким образом, — сказал он, — снимается вся тяжесть самоубийства.

— О боже, — повторил полковник. — Значит, и вы, и я, и даже сам... я хочу сказать, и мой приятель — любой из нас этой же ночью может быть вынужден сделаться убийцей своего ближнего и его бессмертной души? Неужели среди людей, рожденных женщиной, возможно такое? Неслыханный позор!

Джеральдин чуть не вскочил от ужаса, и только грозный и суровый взгляд принца Флоризеля, стоявшего в другом конце комнаты, удержал его на месте. Этот взгляд возвратил полковнику его привычное самообладание.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

